Омлет с сахаром

Автор:

Жан-Филипп Арру-Виньо

Омлет с сахаром

Жан-Филипп Арру-Виньо

Приключения семейки из Шербура #1

Автор книги, которую вы держите в руках, француз Жан-Филипп Арру-Виньо – один из тех самых шести братьев Жанов, о которых пойдет речь. А еще точнее – Жан Б., второй по старшинству. С самого детства Арру-Виньо обожал читать. В 1984 году он опубликовал свой первый «взрослый» роман, за который получил премию «Лучший дебют», а через несколько лет выпустил вторую книгу – детскую. Сегодня Арру-Виньо, автор около тридцати книг, заведует отделом детской литературы в крупнейшем независимом французском издательстве «Галлимар». Свою серию «Приключения семейки из Шербура», столь любимую детьми и родителями во Франции, он создал совместно с известным иллюстратором Доминик Корбасон, чьи работы можно увидеть на страницах таких журналов, как Cosmopolitan, Madame Figaro и Vanity Fair. По духу «Приключения семейки из Шербура» напоминают знаменитого «Малыша Николя» Рене Госинни и Жан-Жака Сампэ: герои «Семейки» – те же веселые, неугомонные мальчишки, которые так и норовят что-нибудь натворить. Серию открывает книга «Омлет с сахаром» (1999).

Вы когда-нибудь ели омлет с сахаром? Его очень легко приготовить! Рецепт: возьмите семью с пятью сыновьями, добавьте еще одного младенца, черепаху, морскую свинку и горстку белых мышей. Хорошенько перемешайте. Не забудьте еще о строгой маме и папе, который на все руки мастер, ну и, конечно, о школьных друзьях с богатым воображением. Щепотка вредности – и готово, можно подавать на стол!

Жан-Филипп Арру-Виньо

Омлет с сахаром

Посвящается

Ж., Ж.-Л., Ж.-П., Ж.-Ф., Ж.-Н., Ж.-Б. и Ж.-С.

в память о замечательном детстве

Жан+Жан=5

- Мальчики, у меня для вас новость! - объявила однажды мама.

Дело было вечером 1967 года, незадолго до Рождества. Папы еще не было дома, и мы собрались на кухне, чтобы помочь маме с ужином. Я очень люблю такие вечера: на кухне вкусно пахнет, тепло, окна запотели, и пока готовится ужин, можно поболтать с мамой. Но в этот вечер мы оккупировали кухню все вместе и затеяли возню. Мама начала заметно нервничать. Интересно почему?

- Новость? - заинтересовался Жан А. - Какая? На ужин - картошка фри?!

Жан В. ухмыльнулся - мы как раз лушили горох. Мама просто обожает овощи, зелень на пару' и вообще здоровую пищу. В ней много витаминов. Самое забавное - это открывать стручок с горохом. Подковыриваешь ногтем кожицу, а внутри - тонкая пленочка, под которой лежат кругленькие горошинки - рядком, как пульки для пистолета.

Жан Г. не преминул засунуть две или три горошинки себе в нос. Чтобы горошинки выпали, пришлось трясти его вниз головой. Маме это не понравилось:

- Да уж, один раз попросила помочь, и вот результат.

Потом Жан Д., конечно же, опрокинул миску, и мы все вместе стали ползать на четвереньках, собирать рассыпавшийся по всей кухне горошек. Забава получилась еще та! И тут полетела первая оплеуха – сразу стало не смешно.

- Раз так, марш все в гостиную! Бегом!

Вот так всегда! А мы ведь хотели помочь. Мама заводится с пол-оборота. Откуда только такие, как мы, берутся! Как будто специально, ей назло.

- Не хотите – как хотите. Тогда я ничего вам не скажу.

- Мы покупаем новую машину? – спросил Жан В.

- Лучше, – ответила мама.

- Мы покупаем телевизор, – предположил Жан А.

- Еще лучше. Никто не догадывается?

Мы переглянулись и ничего не ответили. Что может быть еще лучше, чем телик?

Жан А. из нас самый предусмотрительный, поэтому свое письмо Деду Морозу он сочинил еще пару дней назад. И если кто-то из нас посмеет попросить что-нибудь, кроме телевизора, будет иметь дело со старшим Жаном лично! Никаких железных дорог, пистолетиков или лука со стрелами – с дурацкими и сладкими подарками покончено. Если мы все будем заодно, маме с папой придется смириться. Даже те из нас, кто еще не умел писать, под его чутким

руководством накаляли:

Дорогой Дедушка Мороз!

Мы весь год хорошо себя вели. Подари нам, пожалуйста, телевизор. Больше нам ничего не надо.

Подпись: Жан Г. и Жан Д.

P.S. У нас нет камина, но можно легко пролезть через окно в гостиной.

- А как же моя шпага, как у Зорро? – заныл Жан В.

- Даже не думай! Телик, и точка.

Как вы догадались, Жан А. из нас самый старший. Он носит очки и считает себя в нашей, можно сказать, банде главным. Слово «банда» подходит особенно сейчас, когда мы пятером стоим на полусогнутых посреди гостиной в полосатых пижамах, а наши карманы набиты зеленым горошком (вообще-то это корм для черепахи и морской свинки).

Жан А., Б., В., Г., Д. – это светлая мысль нашего папы. У него всегда была плохая память. Однажды он даже в справочную службу звонил, чтобы узнать наш домашний номер. Поэтому, когда мы родились, он решил назвать нас всех Жанами, в честь дедушки, но нужен был опознавательный знак для каждого. Так, может, буквы алфавита?

- Отличный способ развить память, – заключил он.

А я, в свою очередь, подумал: «Хорошо, что нас всего пятеро. Только представьте себе: Жан Ю., или Жан Я., или, еще веселее, Жан Ы.! Пять мальчиков в семье – это уже само по себе оригинально. А в алфавитном порядке, как в словаре, каково? И, конечно же, шутки и клички – для нас обычное дело. Я составил небольшой словарик Жанов в старой тетрадке:

- Жан А. – 10 лет. Прозвище – Аристократ, потому что старший и потому что достал всех своими манерами.
- Жан Б. – 8 лет. Секретное имя – Жан Булка, потому что люблю поесть, и это сказывается на моей фигуре.
- Жан В. – 6 лет. Все время Витает в облаках.
- Жан Г. – 4 года. Обидная буква, но он и вправду самый Гадкий.
- Жан Д. – 2 года. Еще маленький и прозвища пока нет, но Жан А. часто шутит: “Жан Д., Держи крепче штанишки”.

Когда мы гуляем по Шербуру все вместе, люди странно на нас смотрят. Пятеро братьев, как луковицы в плетенке, только лопухие. Разве это семья? Скорее аттракцион для зевак. Мне кажется, мы и вправду похожи на артистов цирка. Например, на карликов-акробатов, которые с легкостью прыгают через кольца или выстраиваются в пирамидку.

– Внимание! Внимание! Только сегодня вечером в нашем цирке уникальный номер Жанов-эквилибристов!

Мама, у которой всё всегда под контролем, разделила нас по комнатам: старшие (Жан А. и я), середнячки (Жан В. и Жан Г.) и самый маленький – Жан Д. (он в комнате один). Я живу вместе с Жаном А. У нас двухъярусная кровать, мы по очереди накрываем на стол и вытираем посуду, но в случае чего нам и достается больше всех, потому что мы старшие и должны быть примером для остальных. Но иногда мне все-таки хочется быть Жаном Единственным. Быть одним ребенком в семье. Отдельной единицей, а не частью банды. Тогда можно сколько угодно спать на верхней полке, а не уступать ее постоянно Жану А. лишь потому, что он старший и любит покомандовать. Но родственничков, как говорится, не выбирают.

– Жан В., вынь, пожалуйста, палец из носа, – попросила мама. – Да послушайте же меня. Я хочу сказать вам кое-что важное.

Она завела пластинку с рождественскими песенками, села в кресло напротив, и стало понятно, что речь пойдет о чем-то очень серьезном. Жан В. перестал наконец вытряхивать застрявшие в штанишках елочные иголки. Мигала гирлянда, в окно стучал дождь – снега в этом году на Рождество опять не будет. В печке тихо потрескивали дрова, и от стоящей в углу огромной елки пахло смолой.

Обожаю дни накануне Рождества. Гостиная украшена гирляндами и ангелочками из золотой бумаги, а вечером после ужина каждый из нас открывает свое окошко на специальном рождественском календаре. Перед яслями стоят пять барашков из гипса. По одному для каждого из нас. Если целый день вести себя хорошо, то можно понемножку пододвигать своего барашка ближе к яслям.

Но Жан А., конечно, во всем – даже в гонке барашков под елкой – хочет быть первым, так что остальным приходится мухлевать и передвигать своих тайком: а вдруг все-таки удастся выиграть этот «барашечный забег»? Вечером фигурки надо возвращать на старт. Такое чувство, что Рождество не наступит никогда!

– Так кто же все-таки хочет услышать грандиозную новость? – спросила мама.

Жан В. и Жан Г. подняли руки быстрее всех: «Я! Я!»

Жан Д. испугался, что сейчас что-то важное произойдет без него, и тоже стал кричать во весь голос: «И я! И я!» И все закричали разом – ведь каждому хотелось быть первым.

– Тише-тише! – попыталась успокоить нас мама. – Что можно услышать в таком гаме?!

Вдруг она побледнела, переменилась в лице и схватилась за живот. Мы мгновенно замолчали и бросились к ней: «Мама! Мама!»

Жан В. стал хлопать ее по руке, я подхватил рождественский календарь и начал махать им как веером, Жан А. полетел на кухню за водой.

– Разойдитесь! – крикнул он. – Из-за вас маме нечем дышать.

– Ничего страшного, – заверила нас мама, открывая глаза. – Стало немного душно, но уже прошло.

Я же говорил, у мамы всегда всё под контролем. Даже собственное здоровье. Ей никогда не бывает плохо. Именно поэтому мы так испугались. Мы впятером окружили ее и молча смотрели, как она приходит в себя.

– Мне уже лучше. Не беспокойтесь, – повторила она.

Жан Г. достал из кармана горсть клейкой лакрицы и протянул маме. Похоже, ей действительно стало лучше, и она вежливо отказалась. Тогда Жан Д. засунул непригодившееся «лекарство» себе в рот, как будто ему тоже вдруг «поплохело».

– Ты точно увелена, что все плошло? – спросил он.

– Точно-точно, – ответила мама, держась за живот. – Это, собственно, и есть моя грандиозная новость...

Мы переглянулись: «Что она имеет в виду?..»

– Я хотела, чтобы папа сообщил вам об этом сам, но он поздно вернется, – продолжила мама. – В общем, я жду нового ребеночка.

Если бы мама выстрелила из пушки прямо посреди комнаты, это, наверное, поразило бы нас меньше. Жан Д. застыл с открытым ртом и черными от лакрицы зубами, с которых прямо на подбородок стекала слюна; Жан В. старательно что-то считал на пальцах, не веря своим глазам...

– Еще один ребенок? Ты хочешь сказать, что нас теперь будет...

– Шесть! – опередил его Жан Г., который всегда быстро считает в уме. – Я первый посчитал!

– Шесть? – уточнил Жан А. ошарашенно.

– Красивое число, правда? – обрадовалась мама. – Ровненькое такое, круглое, как мамин животик. С маленьким хвостиком, как у вишенки... Мне всегда нравились четные числа. Хорошая новость?

Мы были просто ошеломлены. Представьте себе спасающихся в лодке пассажиров тонущего корабля, которым вдруг объявляют, что нужно снова потесниться – спасли еще одного... И тут посыпались вопросы. Мама отвечала на них с улыбкой, а мы ни в коем случае не должны были ее разочаровать.

– Ребеночек к Рождеству? А он поместится в яслях под елкой?

– А он будет носить очки, как Жан А.?

– А мне можно будет его поддержать?

– А с ним нужно будет делиться?

– Подождите, – встрял Жан А. – Вы забыли о самом главном.

Мы дружно повернулись к нему.

– А если будет девочка? – сказал старший, с видом всезнайки поправляя очки на носу.

– Этого не может быть, – ответил Жан В.

– Почему это, умник? Если хочешь знать, девочек по статистике рождается куда больше, чем мальчиков.

– Да-да! Девочка! – стал кричать Жан Д.

– Мальчик! Мальчик! – подхватил Жан Г.

– Давайте проголосуем, – предложил Жан В.

Мама подняла руку, призывая к тишине.

- Этого мы сами решить не можем, - внесла она ясность. - Мальчик или девочка - об этом мы узнаем только весной. А пока это секрет! Всем молчок!

- Но как мы его назовем? - настаивал предусмотрительный Жан В.

- Нужно подобрать такое имя, которое подойдет и мальчику, и девочке, - нашелся я. - Доминик, например, а если она, то Доминика.

- Камиль или Камилла!

- Одиль или Одилия!

- Но Одиль ведь тоже девчачье имя, умник, - не смог промолчать Жан А.

- А что нам календарь советует? - задумался Жан В.

- Нет уж, если будет девочка, мы назовем ее Элен.

- Элен, - возмутились мы хором. - Опять?

«Элен» собирались назвать меня, если бы я родился девочкой. Жана А. тоже. И Жана В., и Жана Г., и даже Жана Д. Мои «изобретательные» родители остановились на этом имени всерьез.

Иногда я пытаюсь представить, на что была бы похожа наша семья, если бы мы все были девочками. Пять Элен! Одна в очках, другая - пышечка, как я, и т. д. И папа, который в них вечно путается.

- Элен, оставь Элен в покое. Не мешай Элен спать!

Конечно, он бы придумал что-нибудь вроде «Элен I, Элен II, III, IV, V», как папы римские или французские короли.

- Ясно, будет девочка, - подытожил Жан А. - Статистика не врет. И девочек всегда больше любят...

- Жан А.! Не говори плохо о своей сестричке.

- Она и моя сестричка тоже, - обиделся Жан Г.

- Нет, моя, - встрял Жан Д.

Тем вечером, передвигая своего барашка под елкой, я вдруг отчетливо представил, как в следующем году среди наших барашков появится шестой малюсенький гипсовый собрат, который тоже каждый день с начала декабря и до самого Рождества будет пододвигаться к яслям. А в волшебную ночь и вовсе дойдет вместе с остальными до бычка с осленком. И это будет барашек Элен I, королевы Жанов. Моей единственной сестры. Нашей единственной сестры. И ее надо будет делить на пятерых.

Похоже, все только начинается.

Рождество в горах

На рождественские каникулы мы поехали в горы.

- Вашей маме нужно подышать, - пояснил папа. - И малышу тоже необходим свежий воздух. А лучше морозной свежести гор ничего не придумаешь. Вот увидите, вам всем понравится.

Кстати, наш папа - врач. Ему видней. Нам же «морозная свежесть гор» ни о чем не говорила. Особенно когда выяснилось, что:

- Это, мальчики, мой вам рождественский подарок. В этом году Дед Мороз отправляет нас в горы. Между прочим, удовольствие не из дешевых. Так что бодро и весело готовимся к путешествию. И без разговоров!

Больше всего дулся Жан А. Немудрено, ведь телевизора нам теперь не видать как своих ушей.

– И мы будем кататься на санках? – радостно закричал Жан Г.

Похоже, радостно было ему одному.

– Вот сам и катайся, – не выдержал Жан А. – Если в отеле не будет телевизора, вы у меня все попляшете!

Как-то раз я составил черный список подарков на Рождество.

Он так и называется: «То, что НЕ надо мне дарить».

Я его пополняю каждый год.

Туда я вношу то, что ни в коем случае не хочу получить в подарок, как, например, галстук от бабушки Жанетт, который к тому же приходится натягивать, когда мы едем к ней в гости.

Так вот, НЕ надо мне дарить:

- развивающие игры, потому что Жан А. всегда мухлюет и, соответственно, выигрывает;
- 12 томов энциклопедии от тети Люси;
- набор юного химика – такой есть у моего друга Франсуа, и ничего интересного там нет;
- подписку на церковную газету.

Но больше всего меня бесит, что мало того, что подарки дурацкие, так еще надо улыбаться и говорить «спасибо».

Не раздумывая, я добавил в свой список:

- морозная свежесть гор.

Мы впервые ехали в горы все вместе, и пришлось одолжить теплую одежду у родственников. Представляете, сколько у нас было чемоданов? Даже мама, у которой всё под контролем, нервничала всю неделю.

И вот мы всемером на вокзале, в пуховиках и вязаных шапках. Папа пересчитывает чемоданы. Он, кстати, какой-то красный. Маме нельзя таскать тяжести, а папа у нас сильный. Но четыре чемодана и два рюкзака – это все-таки перебор даже для него. И мне показалось, что, несмотря на модную шапку-ушанку, которую ему одолжил дядя, папе не так уж весело.

Всемером можно было занять полвагона. Мы, конечно, подняли бучу в борьбе за верхние полки, и папе пришлось применить силу.

– Может, ты погуляешь со старшими по перрону, – предложила мама папе, – а я в это время разложу тут вещи.

Вечерело. Мы ходили с папой туда-сюда, пока он окончательно не успокоился и не стал показывать нам поезд. В это время малыши прилипли к окнам вагона и корчили нам рожи.

– Папа, а что это за антенка такая на крыше локомотива? – спросил я.

Папа с умным видом начал объяснять:

– Это однофазный пантограф, сынок. Он нужен, чтобы... Ну, это такая штучка, которой...

Мы дали папе выговориться и помчались в поезд, потому что тетя в форме уже вовсю махала флажком.

Когда поезд тронулся, мама спросила:

- А где наш Жан В.?

- Жан В.? - удивился папа. - Разве он не с тобой оставался?

- Нет, он ушел с тобой!

Папа пулей полетел в тамбур - там никого!

И тут он заметил Жана В. на перроне, в пижаме и с пальцем во рту. Он смотрел на нас через окно, как на экзотических рыбок в аквариуме. К счастью, поезд еще не успел набрать скорость. Папа с криками «извиняюсь, простите!» растолкал пассажиров, плечом толкнул дверь и повис в воздухе, стоя на ступеньке вагона...

...Держась за поручень, он схватил Жана В. за штанишки и одной рукой швырнул его в вагон, как плюшевого медвежонка. Я уже говорил, что папа очень сильный?

Ошеломленный Жан В., похоже, так и не понял, что с ним приключилось. Не нужно быть прорицателем, чтобы догадаться, что в следующие пятнадцать минут нам всем влетело бы по первое число.

- Ты... Ты!.. - схватив Жана В. за воротник, кричал папа.

Спасло его только то, что вокруг папы столпились пассажиры и с восторгом аплодировали ему как герою. Подпихивая Жана В. вперед, папа с гордо поднятой головой шагал по вагону и, кивая в разные стороны, благодарил за внимание, бурча: «Спасибо, спасибо».

«Смертельный номер воздушных акробатов Жанов, - подумал я. - Невиданный цирковой трюк!»

Папа захлопнул за собой дверь купе:

- На сей раз, ребятки, вам точно не поздоровится...

И в эту минуту зашел контролер. Папа буквально побледнел, когда понял, что забыл удостоверение многодетной семьи и скидок нам теперь не видать. Пришлось договариваться... Наконец все улеглись, и наступила тишина.

Лежа на верхней полке, я наблюдал, как по потолку мелькают лучи фонарей. Такое ощущение, что мы в маленьком уютном домике, который бежит в темноте ночи. Волшебное зрелище!

- Ты спишь? - прошептал Жан А.

Я не отвечал. Я бы с радостью включил лампочку и почитал, но момент был явно неподходящий.

И вдруг надо мной склонилось нечто похожее на летучую мышь - голова болталась сама по себе и корчила мне рожицы.

- Так ты спишь или нет? - повторил вопрос Жан А., сжав руками губы в трубочку.

- Всем спать! - взревел папа в темноте. - Кто шевельнется, тому мало не покажется.

Жан А. живенько скользнул на свое место, и больше ничто не нарушало тишины, кроме стука колес мчавшегося в ночь поезда.

- Какой тут воздух! - вдохнув полной грудью, восхитился папа. - Дышите морозной свежестью гор!

Утро. Мы все дрожим от холода и хотим есть. Папа же снова пересчитывает чемоданы. Снег под ногами противный и грязный от следов автомобильных колес. Автобус, который везет нас в отель, то и дело выбрасывает в «морозную свежесть гор» темные от солярки выхлопы.

- Кажется, меня тошнит, - прошептал Жан А., позеленевший, как инопланетянин.

– Вот увидите, – продолжал папа, – нет ничего полезнее для здоровья, чем горный воздух.

Отель «Золотая гора», в котором мы остановились, напоминал обычный деревянный домик с островерхой крышей и резными балкончиками. Мы заняли две комнаты. Первая – с четырьмя кроватями для старших, а вторая – для папы с мамой и Жана Д. Из окон видно только сплошное снежное поле.

– Ну что, ребята! – радостно позвал нас папа, пока мама разбирала чемоданы. – Айда все вниз! Устроим конкурс на лучшего снеговика!

Папа в молодости часто был вожатым в лагере. Он обожает называть нас «ребята», устраивать конкурсы и пронзительно свистеть, заставляя нас ходить строем.

С криками восторга мы сбежали по лестнице.

– Оденьтесь потеплее, – успела добавить мама. – Холод на улице!

Мы вмиг разбрелись по полю, проваливаясь в снег.

Похоже, веселее всего было папе. Он первым начал бросаться снежками. Вскоре на поле разразилась настоящая снежная битва! Мы с Жаном А. одни сражались против всех. Дряхлые варежки родственничков мгновенно промокли, снег залетал за шиворот, и пальцы окоченели, но битва получилась просто супер!

А потом Жан Г. разревелся, прикрывая рукой глаз: мол, Жан В. специально засунул в свои снежки камни. Тогда папа сказал:

– Всем успокоиться. Теперь будем лепить самого большого в мире снеговика. За работу, ребята!

– Снеговика лепить? – возмутился Жан А. – А когда мы уже будем смотреть телевизор?

Папа руководил работой.

Жан Г. и Жан Д. отправились на поиски веток для рук, а мы катали туда-сюда снежные комья. Нужно было слепить два: один – для туловища, и еще один – для головы. Они были такими огромными, что удержать их в руках одному было невозможно. Мама умиленно смотрела на нас с балкона и фотографировала.

– Вперед, ребята! – подбадривал нас папа.

Он так гордился своей командой снеговикостроителей! Даже заледенелые уши его шапки гордо торчали в воздухе. Поскольку он был из нас самым сильным, то помог прикатить самый большой ком... и только тогда заметил...

– Что это? – испуганно спросил он, стягивая варежки.

Мы посмотрели на свои варежки и куртки. Везде, где на одежду попал снег, растеклись желтые пятна.

– Черт, – ругнулся папа, с отчаянием посмотрев на балкон, где все еще стояла мама. – Собачьи какашки.

Без вариантов. Катая снеговика, мы даже не заметили, как уделали одежду родственников скрытыми под снегом собачьими какашками.

И сразу стало не смешно. Мы вернулись в дом с опущенными от стыда головами.

Мама была вне себя. Она кричала, что так и знала, и что теперь ей с этим делать, и что вещи были почти новые, и что мы скажем родственникам... Вот так всегда.

Папа хотел было пошутить, но быстро понял, что лучше не стоит.

Мы молча разделись и, пока мама пыталась отстирать пятна в крошечной раковине, тихо сидели в комнате в одних подштанниках.

– Да, в жизни в горах есть своя прелесть... – попытался разрядить обстановку папа.

Но мама так на него посмотрела, что он тут же замолчал и уставился в окно, насвистывая что-то себе под нос и притворяясь, будто наслаждается видом заснеженных вершин.

– Вот и всё! Теперь будем ждать, пока это все высохнет. Так что сегодня без курток и варежек. Весь день насмарку. Молодцы!

– Ну и ладно, – сказал Жан А. – Тогда, может, посмотрим телевизор?

На следующий день у папы уже созрела новая мысль.

Он вернулся в отель довольный и с целой кучей туристических буклетов.

– Как? Ребята, вы еще не готовы? Погода на улице великолепная! Самое время покорять горные вершины. Сбор внизу через пятнадцать минут.

Куртки за ночь высохли. Мы натягивали их на себя, ворча и поднывая, но папа был непоколебим: «Мы, что, приехали в горы, чтобы целыми днями валяться перед теликом?»

Горные вершины обнаружили совсем недалеко от нашей деревушки. Пик назывался Большая стрела. Подниматься на самый верх нужно было по канатной дороге. Папа попытался было договориться о скидках, но без удостоверения пришлось заплатить за всех полную стоимость.

– Вам билеты туда-обратно? – спросил служащий, промокнув палец о маленькую губку.

– Представьте себе, только туда, – рявкнул папа. – Мы построим на вершине иглу и будем спать там голышом.

– Как хотите, – буркнул в ответ мужчина, оторвав билетки.

– Какой дурак! – прошипел папа, пока мы толпились у дверцы. – Что он себе вообразил? Что мы спустимся назад на парашюте?

Кабина была забита до отказа, и пришлось ждать следующего рейса.

Когда подошла наша очередь, мы всемером загрузились на платформу. Служащий зашел последним и закрыл за собой дверцу.

– Внимание, отправляемся! – объявил он.

Кабину качнуло, потом слегка трянуло, а затем под звук металлического скрежета мы зависли над пропастью.

– Ну как? Великолепно ведь, правда? – уточнил папа.

Все молчали. Казалось, будто нас заперли в яйце от киндер-сюрприза, будто кабина была не больше теннисного мячика. Жан Г. и Жан Д. прижались к маме, но проводник попросил:

– Рассредоточьтесь по кабине, ребята, нужно сохранять равновесие.

Когда я осмелился посмотреть вниз, мы уже висели на умопомрачительной высоте. Сверху были едва заметны заснеженные крыши домов, по склонам скользили крохотные лыжники.

– Смотрите, верблюды! – закричал вдруг папа, показывая пальцем на темные пятнышки вдоль склона. – Видите, дети?

– Это коровы, – грубо поправил его проводник. – Обычные коровы.

Папа попробовал громко засмеяться, как будто только что удачно пошутил, но проводник даже глазом не моргнул. Хотя с такой высоты вообще вряд ли что-нибудь можно было заметить, особенно учитывая туман, который как раз поднимался над долиной.

– Ого! – произнес проводник.

- В смысле? – уточнил папа.

- Нет-нет, все в порядке.

- Вы только что сказали «ого!». Что-то не так?

- Нет-нет, все в порядке. Пока...

- В каком смысле «пока»? – начал нервничать папа.

Проводник еле заметно кивнул в сторону обволакивающего нас серого тумана:

- Плохой знак. Когда поднимается туман... Но еще хуже, если начнется буря.

Вам уже приходилось видеть, как молния пронизывает кабину, словно череда выстрелов?

- Какая, говоришь, погодка сегодня, милый? Великолепная? – не сдержалась мама.

- Что уж тут поделаешь, – успокоил проводник. – Это горы. Погода быстро меняется. Заметьте, эти кабины должны выдерживать штормовой ветер скоростью 200 километров в час.

- Папа, – заныл Жан В. – Я хочу вниз.

- Ну что ты? – успокаивающе улыбнулся папа. – Не бойся. Это просто застрявшее над долиной облачко. Наверху будет солнце.

Но чем выше мы поднимались, тем темнее становилось вокруг. То и дело из тумана, словно привидения, возникали какие-то металлические мачты, и каждый раз казалось, что мы сейчас угодим прямо в них.

И вдруг в кабине раздался звонок.

- Странно, - покусывая усы, сказал проводник. - Это сигнал о перегрузке подъемника. Но ведь он рассчитан как раз на восьмерых.

Мы молча пересчитались и взглянули на маму, которая тайком в своем животе перевозила еще одного пассажира. С малышом-то нас было девять. Нас семеро, почти восемь, плюс проводник. Ну сколько может весить этот несчастный малыш, который появится на свет только через полгода?

Похоже, достаточно много, раз проводник аж икать стал от страха.

- Папа, мне страшно! - промычал Жан Г.

- Спокойно! Без паники! - воспрянул духом проводник и проглотил жвачку. - Просто сверху замерзли провода.

- Мы упадем и лазобьемся? - заскулил картавый Жан Д.

Мы застряли между двух металлических столбов, кабина начала раскачиваться на ветру. Вцепившись в перила, я повернулся к нашему главному выдумщику Жану А., как будто тот мог чем-то помочь. Но он был крайне занят - его тошнило прямо в вязаную шапочку кузенов Фугас.

- Заметьте, - продолжал проводник, - с подобными кабинами редко что-нибудь случается. Последняя авария произошла в прошлом году: пассажиры всю ночь провели на высоте посреди снежной бури, пока до них не добрались спасатели.

- Прекрасная перспектива, - сглотнув, сказал папа.

- Но с вами профессионал. Вот, кстати, мой коллега в прошлом году, когда кабина была перегружена, пожертвовал собой. Он выпрыгнул и полетел вниз, как белый ангел.

- И что дальше? - полюбопытствовал папа.

- Шмякнулся с трехсотметровой высоты, как жалкая кучка птичьего помета.

– О, не обращайтесь на нас внимания, – папа еле сдерживался. – Мы бы не хотели, если что, лишиться вас такой радости.

– Да вы что, это я просто так вам рассказал, – пожал плечами проводник.

– Тогда я бы все-таки попросил вас заткнуться. Здесь дети. Они впечатлительны...

Он не закончил фразу, потому что кабину шатнуло в сторону – и она поползла вверх.

Путешествие продолжилось в полной тишине. Когда дно кабины коснулось земли на вершине Большой стрелы, мои коленки ходили ходуном, а сердце выпрыгивало прямо изо рта.

Пока папа пытался развернуть карту местности, мы стояли на какой-то платформе и стучали ногами.

– Ну, вот мы и на месте! – попытался поднять наш боевой дух папа. – Это – вершина Большой стрелы. Ребята, приготовьтесь увидеть один из самых красивых пейзажей, которые только можно себе представить.

Да уж, разве что «представить». Туман здесь был еще гуще, чем внизу. Мы еле-еле различали носки своих ботинок. К тому же температурка была около минус 80 градусов: когда Жан А. захотел плюнуть, слюна застыла у него под губой, как прозрачный сталактит.

– Так... Судя по карте, отсюда мы можем увидеть сверкающие на солнце выступы горного склона... А в самом сердце лощины – крохотные домики живописной деревушки...

– Класс! – не выдержал Жан А. – А теперь все в укрытие...

Папа поспешил нас сфотографировать во время этой экспедиции. На снимке видна только его рука крупным планом, которая тщетно пытается укрыть фотоаппарат от сумасшедшего ветра, а сзади мы вшестером, слипшиеся, будто выжившие в авиакатастрофе сиротки.

Это все, что запомнилось мне о поездке на Большую стрелу: фотография и еще маленькая точилка в виде лыжной палки, которую Жан А. стащил в сувенирной лавке – мы укрылись там от ветра в ожидании обратного рейса канатной дороги.

– Хоть какая-то польза от поездки, – потирал ручонки Жан А.

Наутро у всех была температура 39. У всех, кроме папы и мамы, которые бегали из комнаты в комнату, разнося сироп от кашля.

Казалось, что мне в уши засунули вату, а буквы в книжке скачут перед глазами. Я проспал почти целый день.

Когда я проснулся, по моей кровати прыгал Жан А. и дико орал.

– Смотри, – кричал он, тыча мне в нос пустым рукавом пижамы. – Моя рука! Я ее отморозил, и папа отрезал ее маникюрными ножничками.

– Вот и хорошо, не будешь больше ковырять в носу, – буркнул я.

Он свалился на кровать, как будто корчась от боли:

– Я однорукий! Мне прикрутят щипцы для сахара к кровавой культяпке...

– Слышу, больные пошли на поправку, – неожиданно прервал этот цирк папа. – Уже скачем вовсю, как кузнечики!

Он протянул каждому из нас по термометру, и мы спрятались под одеяла мерить температуру.

– В среднем 38,2, – констатировал папа. – Понижается. Вот увидите, свежий морозный воздух поможет. Завтра вы все будете на ногах, прямо к рождественскому празднику.

Папа – очень хороший врач.

Вечером температура у нас поднялась до 40. Мне и Жану А., как самым взрослым, разрешили спуститься к ужину. На ужин была индейка в каштанах и рождественский пирог, но проглотить ничего мы так и не смогли. Жан А. был красным, как свекла, а у меня так кружилась голова, что казалось, что стоящая посреди ресторана елка упадет прямо в тарелку кому-нибудь из гостей.

Вскоре мы пошли спать. Это было странное Рождество, но папе с мамой все-таки удалось хорошо провести время в компании новых друзей Виермозов.

Вот уже сорок лет они приезжают сюда каждый год. Может, поэтому глава семейства Виермоз расхаживает по отелю в домашних тапочках и сообщает отдыхающим, какая погода будет сегодня на склоне. А его супруга усаживается в одно и то же кресло возле окна в фойе. Она беспрестанно вяжет из шерсти носки и подштанники, потом запаковывает их в посылки и отправляет бедным детям в Африку.

Эта тетя очень добрая. Каждый раз при встрече с мамой она говорит:

– Какая милая у вас семейка! А сколько, наверное, с ними хлопот!

– Да, – скромно соглашается мама. – Просто надо держать все под контролем.

Папа обожает слушать вечерние рассказы Виермоза о его коллекции минералов. У него в ней аж 253 экземпляра, и все аккуратно расставлены на полках в его доме в Париже. К тому же Виермоз очень добрый. Однажды папа, слушая его, заснул, а тот даже виду не подал и продолжил свое повествование.

Впрочем, чем еще можно заняться, когда постоянно идет снег.

– Небо скоро прояснится, – каждое утро предсказывает папаша Виермоз, уставившись на непрерывно падающие хлопья снега. – Я вам точно говорю.

Ну и привалило же счастья маме с папой с такими друзьями! В тот рождественский вечер они, должно быть, «отлично» провели время, потому что, вернувшись в номер, я слышал, как папа сказал:

– Еще одно слово, и я бы просто придушил его собственными руками.

- Не надо так говорить, - прервала его мама. - По крайней мере, не в этот вечер.

- Да, ты права, - согласился папа. - С Рождеством, дорогая! Только я мог додуматься притащить вас всех сюда! Дети заболели, на улицу нос не высунуть...

Мама парировала:

- А я думаю, что в этом году у нас замечательное Рождество. Много снега и этот домик... Мне кажется, что мы живем внутри сувенирного стеклянного шарика со снегом.

- А когда вернемся, я обязательно сыграю в радиовикторине. Я стал великим знатоком в области минералогии!

И все же мы выставили в кружок перед окном наши сапожки, а еще стакан молока и морковку. Так, на всякий случай. Вдруг все-таки Дед Мороз решит заглянуть на огонек.

- А у него есть наш адрес в горах? - заволновался Жан Г.

Жан А. пожал плечами, а потом спросил:

- А ты веришь в Деда Мороза?

- Конечно, - ответил Жан Г. - Я знаю, что его не существует, но верю.

- Кто тебе сказал, что Деда Мороза не существует? - решил уточнить Жан А.

- Один мальчик в школе. Он говорит, что подарки в сапожки под елкой кладут родители.

- Он дурак! - не сдержался Жан А. - Если он мне попадет, шею сверну.

- Почему? - поинтересовался Жан Г.

- Потому что он не имел права разбивать твои детские мечты.

- А я, я имею права разбивать его мечты? - вмешался Жан Д., ставя рядом с нашими сапожками свои маленькие тапочки.

- Ты - имеешь, - ответил Жан А., засовывая голову под подушку. - А теперь тишина. Я хочу спать.

Папа ясно сказал, что наш подарок в этом году - поездка в горы, но утром, когда мы проснулись, в каждом сапожке лежал маленький сверток.

- Ух ты! - крикнул Жан В., раскрывая свой сверток. - Точилка - лыжная палка!

- Класс! - поддержал его Жан Г. - У меня тоже!

Нам всем подарили по лыжной палке: с одной стороны был карандаш, а с другой - точилка для карандашей. Точь-в-точь такие, как Жан А. стащил из сувенирной лавки на Большой стреле.

Мы с Жаном А. переглянулись и решили промолчать. Надо было делать вид, что мы безумно счастливы, хотя на самом деле очень расстроились. Но родителей огорчать не хотелось - они смотрели на нас с таким умилением.

- Это так, безделушка на память, - оправдывался папа. - А настоящий подарок - это...

- Каникулы в горах! - хором закончили мы папину мысль.

Тем не менее, когда настал день отъезда, мы все немного грустили.

Виермозы вызвались проводить нас до вокзала. Пока папа пересчитывал чемоданы, тетюшка Виермоз подарила нам по паре шерстяных носков, связанных для детей из Африки.

Кінець ознакомительного фрагмента.

Купити: https://tellnovel.com/arru-vin-o_zhan-filipp/omlet-s-saharom

надано

Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: [Купити](#)